

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 9(930.1)

Память о событиях в измерениях пространства и времени

Л. П. Репина

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории и Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, Москва, lorinarepina@yandex.ru

«Культурный поворот» в социально-гуманитарном знании привел к интенсивному анализу коллективных представлений, в том числе представлений о прошлом. В свою очередь, «мемориальный поворот» актуализировал дискуссии вокруг такой аналитической категории, как событие, которая на рубеже XX–XXI вв. обрела особый эпистемологический статус. В «мемориальных исследованиях» принципиальной познавательной установкой является учет социально-исторического контекста и его пространственно-временной динамики, вероятностного характера событий и субъективности действующих лиц. В статье обсуждаются проблемы интеграции идей культурного, мемориального, темпорального и пространственного «поворотов» в новой событийной истории.

Ключевые слова: историческое время, социокультурное пространство, хронотоп, событие, историческая память, категории исторической науки.

Memory of Events in Measurements of Space and Time

L. P. Repina

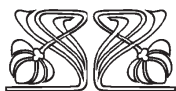
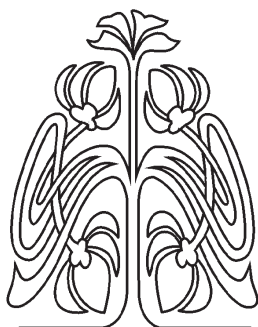
Lorina P. Repina, <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>, Institute of World History, 32A Leninsky Av., Moscow 119991, Russia, lorinarepina@yandex.ru

The “cultural turn” in socio-humanitarian knowledge led to an intensive analysis of collective representations, including ideas about the past, and at the border of the 20th and 21st centuries the “memorial turn” emphasized the need of the discussions about such analytical category as *an event*, which acquired a special epistemological status. In “memorial studies”, the principal cognitive attitude is to take into account the socio-historical context and its spatio-temporal dynamics, the probabilistic nature of events and the subjectivity of the actors. The article discusses the problems of integrating the ideas of cultural, memorial, temporal and spatial “turns” in the new event history.

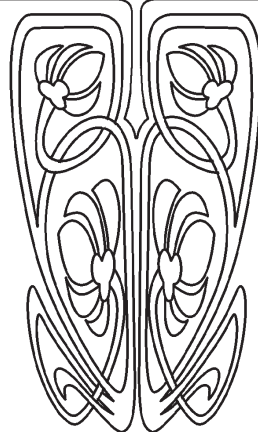
Keywords: historical time, sociocultural space, chronotope, event, historical memory, categories of historical science.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>

На рубеже XX–XXI вв., казалось бы, вполне привычные для исторической науки понятия времени и пространства оказались в фокусе внимания ученых, прежде всего в контексте прочно захватившей важные позиции в исследовательской проблематике и дискуссионной повестке дня истории концептов, или *Begriffsgeschichte*, а также в так называемой истории темпоральностей¹ и в различных моделях «спациальных исследований». Теоретик «спациологии» (spatiology) Анри Лефевр, наиболее влиятельный протагонист идей, которые привели к «пространственному повороту», стимулировал обращение ученых к культурно-ориентированным исследованиям «пространственной

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

триады): «репрезентаций пространства», «пространств репрезентаций» (жизненных пространств) и «пространственных практик»².

Историчность определяется уникальными пространственно-временными координатами. Исходя из принципа неразрывной связи пространственных и временных отношений, М. М. Бахтин, собственно, и ввел понятие «хронотоп» как концептуализированное этой неразрывности³. Все человеческое существование и всякая деятельность совершаются во времени и пространстве, в эмпирической реальности их совмещения и изменения, структуры и ритма, историк всегда изучает явления в фиксированном пространственно-временном диапазоне» (в рамках определенного хронотопа), а пространственно-временная организация исторического действия требует соответствующей формы его презентации. В философской мысли XVIII–XIX вв. всемирная история понималась как темпоральная тотальность, охватывающая прошлое, настоящее и будущее человечества в его различающихся и изменяющихся формах. С конца XVIII в. понятие *история* стало охватывать «сплетение всех социально-политических отношений по всей территории и во всех временных пространствах»⁴. В модусе общественного движения (развития) и исторического действия (опыта) категории времени и пространства (речь, разумеется, в данном случае идет о социальном времени и социальном пространстве, т. е. о связанных с жизнью человека и социума) интегрируются в интерпретации понятия «событие», подвергаемого современными социальными и гуманитарными науками качественному переосмотру.

Для исторического сознания концепты времени и пространства являются базовыми (причем на всех его уровнях и этапах развития), а воспроизведение пространственно-временных представлений – необходимым условием определения специфики культуры той или иной эпохи, хотя, разумеется, «категории культуры – далеко еще не сама культура во плоти и крови, это некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность»⁵. Современные исследователи исходят из признания фундаментальной зависимости различий в концептуализации пространства и времени от исторического контекста – социального, политического, культурного. Соответственно, различаются и способы структурирования времени в исторических нарративах. Темпоральная структура является интегральной частью интерпретативной имитации реальности, которая конституирует историописание в любой культурной традиции⁶. В пределе речь может идти об исторически обусловленном социокультурном контексте человеческой жизнедеятельности, именуемом «цивилизацией», поскольку «история не может постичь время иначе как в его неразрыв-

ной связи с пространством... Понятие времени всегда включает исторически и логически ему соответствующее представление о социальном пространстве»⁷.

Понимание цивилизации как устойчивой во времени и относительно упорядоченной социально-пространственной и социокультурной общности не ново. Как подчеркивал Фернан Бродель, вне зависимости от своего размера «цивилизации всегда могут быть локализованы на географической карте», а географы и историки, вслед за антропологами, тоже начали говорить о культурных пространствах, в каждом из которых господствует совокупность определенных культурных черт⁸, но при этом каждая цивилизация экспортирует и импортирует культурные ценности: «Фиксированность пространств и их границ не исключает прозрачности тех же границ для постоянно перемещающихся через эти границы культурных ценностей»⁹. Характерной же особенностью традиционных (домодерных) обществ была как раз длительность этих перемещений. Однако само понятие истории большой длительности, как правило, ведет начало от драматического события, то есть «от события, на котором строится интрига»¹⁰.

«Одним глазом история смотрит на время, а другим – на место». Эта фраза не случайно часто повторялась в текстах раннего Нового времени, предназначенных для учащихся. В то время история все еще понималась как *magistra vitae*: поскольку считалось, что человеческая природа неизменна, история могла обеспечить модели для поведения в настоящем и будущем. «Два глаза», призванные с помощью хронологии и географии определить время и место, были необходимы для понимания истории, но сами не составляли ее интегральных частей. Вместе они, скорее, определяли специфическое пространство, в котором помещалась история. Хронология служила для установления точного времени важнейших событий, например, времени Творения или времени Потопа. В раннее Новое время хронология стала отдельной наукой. Авторы, писавшие в этот период, считали знание хронологии необходимым для того, чтобы избежать серьезных исторических ошибок, которые могли бы помешать учащимся понять подлинное значение того, что они изучали¹¹.

Составляя основу историописания, хронология событий, однако, не идентична восприятию времени, его значению и ценности. Разумеется, и в Новейшее время историки подчеркивают значение хронологии, но речь идет уже о длительных и непрерывных изменениях, т. е. не просто о временной шкале, а о самой истории. Наиболее отчетливо это было выражено великим Марком Блоком в его «Апологии истории»¹². Определение истории как «науки о людях» он справедливо считал чересчур расплывчатым. Первая глава его знаменитой книги не случайно была

названа «История, люди и время». При этом в разделе «Историческое время с самого начала подчеркивается: «Историк не только размышляет о “человеческом”. Среда, в которой его мысль естественно (здесь и далее курсив мой. – Л. Р.) движется, – это категория длительности»¹³. Мыслить в категории времени естественно не только потому, что трудно представить себе науку, абстрагирующуюся от времени. В истории время является не просто некой мерой, способом членения продолжительного процесса на определенные отрезки. Ощущение специфики времени как исторической категории Марк Блок передал необычайно точно и ярко. Для него время – «конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты. <...> Это подлинное время – по природе своей некий континуум. Оно также непрерывное изменение. Из антитезы этих двух атрибутов возникают великие проблемы исторического исследования...»¹⁴. И Марк Блок ставит один из важнейших вопросов, напрямую связанный с исторической темпоральностью, а именно: в какой мере связь между двумя последовательными периодами, «создаваемая непрерывным течением времени, оказывается более существенной, чем их несходство, которое порождено тем же временем», что, в свою очередь, выводит на размышления о той самой «мании происхождения», которую он называет «идолом племени историков». Что понимать под «истоками» – некую «начальную точку», неуловимую для большинства исторических явлений, или же контаминацию двух значений – «начала» и «причины», а эта двусмысленность порождает опасность подмены – на «начало, являющееся объяснением»¹⁵. Между тем «исторический феномен никогда не может быть объяснен вне его времени»¹⁶. И подчеркнем: речь здесь идет именно о явлении в контексте его собственного времени, а еще точнее – о его хронотопе.

Прошлое не может полностью объяснить настоящее, но есть относительно недалекая фаза в потоке времени, которая «захватывает» текущее настоящее и характеризуется «высоким коэффициентом “современности”». Нельзя не согласиться с тем, что «граница между современным и несовременным вовсе не определяется хронологией»¹⁷. Прежде всего она определяется событиями. Важнейшая характеристика времени – событийность, наполненность событиями, которые совершаются в конкретном пространстве социальных взаимодействий и символических практик.

В традиционной политической истории все исторические события объяснялись указанием на интенции действующих лиц и на последовательную цепь событий, непосредственно предшествовавших тем, которые подлежали объяснению. Новый подход к событийной истории

состоит в том, что каждое крупное историческое событие рассматривается не как эпизод, а как процесс и результат развертывания в реальном времени и пространстве целого «веера» микрособытий, происходивших в разноуровневых локусах – в «жизненном мире» индивидов, в локальных сообществах, в государственных институтах и т. д. Именно из-за их разномасштабности и одновременности эти происшествия не могут быть выстроены в последовательную цепь событий. При этом события недавнего, а нередко и весьма отдаленного прошлого оказывают существенное влияние на жизнь и действия индивидов и групп, структурируя набор поведенческих моделей и стратегий, доступных в каждой конкретно-исторической ситуации (конstellации многочисленных и разнообразных условий и факторов) как в плане реальном, так и в воображаемом (сквозь призму конкурирующих образов прошлого и проектов будущего).

Историю как науку отличает от других форм исторической памяти особое, рационально-критическое отношение к опыту прошлого: собственно, *процесс освобождения представлений о событиях прошлого от мифических наслоений и представляет собой историческое познание*. Если в исторической памяти события, конституирующие групповую идентичность, подвергаются процедурам деконтекстуализации, стереотипизации и символизации, то современная научная историография, организуя материал в хронологической последовательности, одновременно опирается в интерпретации событий на процедуру их многоуровневой контекстуализации в координатах времени и пространства и, соответственно, вынуждена выстраивать сложные модели репрезентации, особенно в случае так называемых эпохальных событий, которые историки рассматривают как источник множества последующих событий.

Отнюдь не случайно Поль Рикёр в своей знаменитой книге «Память, история, забвение»¹⁸ обсуждение дистанции между памятью и документальным доказательством начал с выяснения того, как обстоит дело с историческим временем и географическим пространством, учитывая их неразрывную связь, а затем перешел от исторического пространства-времени к высказываниям о прошлом, в которых память экстерииоризируется в свидетельство. А в разделе «Обитаемое пространство» он пишет о том, что «при переходе от памяти к историографии одновременно претерпевают изменения пространство, в котором перемещаются протагонисты рассказанной истории, и время, в котором разворачиваются изложенные события». Рикёр специально указывает на определенность заявления свидетеля: «Я там был». Таким образом, несовершенный вид глагола фиксирует время, а наречие – пространство. «Здесь» и «там» прожитого пространства восприятия и действия, а также «до» прожитого

времени памяти объединены вместе в систему местопребываний и дат, из которой исключена соотношенность с здесь и с абсолютным теперь живого опыта»¹⁹.

Рикёр подходит к совокупности «пространство–время», распутывая через пространство чередование непрерывности и прерывности в истории: «Вначале мы имеем дело с пространственностью телесной и пространственностью окружающей, неотделимой от вызываемого в памяти воспоминания...»²⁰. И, как не преминул отметить Рикёр, именно «в связи с этим живым опытом в истории впервые возникло понятие места памяти (*lieu de mémoire*), до того, как в нашем обиходе успешно закрепились последующие значения этого выражения»²¹. Речь здесь, разумеется, идет о получившем широкий резонанс и научное признание проекте Пьера Нора о «местах памяти»²². Это связь с открытым для восприятия и для практики пространством жизненного мира. От ближнего пространства человека анализ ведет ко все более отдаленным мирам. Однако, поднимаясь на другой уровень и переходя «к обитаемому пространству географии», Рикёр обращает внимание читателя на то влияние, которое оказали на историю «Анналов», с одной стороны, стабильность и непрерывность структур ландшафта, а с другой – привязанность к территории в региональных исследованиях в сочетании «с квазинепоподвижностью большой длительности»²³.

Жорж Дюби, говоря о необходимости углубленного изучения связей каждой социальной группы с той природной средой, в которой она обитает, подчеркивал, что для него общее влияние географии (он был географом по своей первой специализации) тесно переплелось с воздействием книги Марка Блока «Феодалное общество», и это сказалось уже при выборе им темы докторской диссертации: «Примечательно уже само название моей диссертации: “Общество” (как и в названии книги М. Блока, акцент делается на социальной истории), после чего следует указание: на хронологические рамки “в XI–XII веках”, и, главное, на географические границы – “в области Маконнэ”. И действительно, в качестве образца для своей работы я взял региональные монографии, которыми в то время так славилась французская географическая школа... Моими источниками были не только тексты, но и ландшафт, со всеми запечатленными в нем следами прошлого, названия местностей, расположение дорог, полей, жилищ»²⁴.

Очень важно оценить значение этого устойчивого акцентирования местных условий, конкретной локализации действий, стремления «вернуть» работу историка «на землю» (по аналогии с полевыми исследованиями антропологов) в свете критических выступлений в адрес социальной истории и «новой истории», а также комплекса теоретических предпосылок и практических

установок набравшей все больше сторонников микроистории (в разных ее версиях).

В конце прошлого века событие все еще рассматривается анналистами как «кульминация предшествующих процессов большой длительности» и служит «как бы призмой, в которой преломляются, с одной стороны, глубинные социальные процессы, порожденные структурами большой длительности, а с другой – сиюминутные тенденции, складывающиеся под влиянием исторической конъюнктуры»²⁵. Историки, по признанию Жака Ревеля, «кинстинктивно сводят иерархию уровней рассмотрения к иерархии исторического масштаба: на уровне наций пишут национальную историю; на локальном уровне пишут локальную историю... История социальной целостности на самом нижнем уровне рассыпается на мириады крошечных событий, в которых трудно найти организующую связь»²⁶. Но вскоре, с развитием микроисторических исследований, актуализируется выбор масштаба рассмотрения объекта, от чего зависят результаты его познания в так называемой “другой социальной истории”, а по сути – истории социокультурной. В микроисторическом анализе на уровне индивида в конфигурации его жизненного пути обнаруживается «новый подход к социальному через нить частной судьбы», а «за этой судьбой проступает все единство пространства и времени, весь клубок связей, в которые она вписана»²⁷.

Узловая эпистемологическая проблема состоит в соединении разрозненных данных в целое, т. е. в том, как перейти от «истории случаев» к обобщению на макроуровне. Матти Пелтонен справедливо указывает на то, что в поисках ее решения лидеры итальянской микроистории Джованни Леви и Карло Гинзбург делают акцент на пространственной природе стыка между “микро” и “макро” (в терминологии Пелтонена), а именно не то, что «включает отдельное событие или объект в более глубокие структурные элементы более широкого социального целого. При этом остается «за скобками» его темпоральный аспект, т. е. включенность отдельного события или объекта в контексты времени и темпоральное отношение между микро- и макроуровнем общества как темпоральное. Впрочем, и многие комментаторы замечают только пространственный аспект, упуская временной. Этот аспект микроистории неадекватно представлен пространственной метафорой, описывающей фокусировку внимания на малых объектах»²⁸. Между тем локальность является удобным местом для исследования важных социальных изменений и решения значимых проблем. Как выразился Дж. Леви, перефразируя Клиффорда Гирца, «микроисторика не исследуют деревни, они проводят исследование в деревнях»²⁹.

Вместе с тем главный вопрос был поставлен в свое время Фернаном Броделем. Речь идет о том, как концептуализировать формирование

иерархий исторических феноменов внутри различных временных отрезков, на протяжении которых эти исторические явления соединяются и накладываются друг на друга: короткого времени самого события, среднесрочной конъюнктуры и, наконец, “большой длительности” (*longue durée*)³⁰.

Пространственно-временные координаты причудливым образом переплетаются в исторической проблематике совместного существования и неразрывной последовательности смены поколений, связующей биологические ритмы человеческих жизней и разноуровневые ритмы социальной жизни множества сообществ в их дифференцированных пространственно-коммуникативных средах, а также ритмы исторического процесса в его культурно-цивилизационном и глобальном измерениях. Об этом писали К. Мангейм³¹, Л. П. Репина³², М. П. Лаптева³³. К сожалению, несмотря на некоторое оживление интереса историков к данной проблематике, в российской историографии вплоть до настоящего времени новаторские разработки в русле истории поколений немногочисленны³⁴.

Вопрос о хронотопе истории под совершенно иным углом зрения был поставлен А. Я. Гуревичем в его знаменитой статье «Территория историка»³⁵, посвященной размышлениям над самыми значимыми эпистемологическими проблемами исторической науки. В этой программной статье речь шла о “пространстве-времени” исторического исследования, о месте и времени «встречи мысли историка с мыслью автора исторического источника». Словоупотребление «территория историка», позаимствованное А. Я. Гуревичем, по его чистосердечному признанию, из названия двухтомного сборника трудов Эммануэля Леруа Ладюри, очень точно отражало смысл его концепции «особого интеллектуального пространства истории». «Метафорически говоря, – рассуждал А. Я. Гуревич, – встреча сознания исследователя с фрагментами сознания людей, от которых до нас дошли оставленные ими тексты, и людей, для которых они были в свое время созданы, т. е. для современников авторов этих источников, – эта встреча происходит не в настоящем времени и не в том прошлом, которое мы изучаем. Эта встреча происходит в особом “времени-пространстве”. <...> Именно в этом пространстве-времени делаются специфические открытия, накапливается новое знание»³⁶. Подчеркивается приближенность создаваемых историком моделей, их несоответствие своеобразию изучаемой эпохи, необходимость их переформулировки для приведения в согласие с коренными свойствами культуры прошлого. В “пространстве истории” происходят совмещение и переключка двух пластов времени: во-первых, это «время, современное историку» (оно присутствует на всех этапах работы исследователя) и, во-вторых, время, когда происходили изучаемые исторические явления

(открывается в результате углубления анализа). И здесь чрезвычайно значим следующий пункт данного рассуждения: «дело усложняется тем, что в исследовании властно вторгаются еще и другие, так сказать, промежуточные пласты времени» и в результате «происходят постоянная переключка, взаимодействие и взаимовлияние различных времен». К чему относятся эти «пласты»? По мысли автора, к различным интерпретациям, которые давались изучаемому явлению (или событию) «на протяжении периода, отделяющего прошлое от современности»³⁷, к его интерпретации предшествующими историками и культурами разных эпох. В этом «длительном пространственно-временном континууме исторического исследования» А. Я. Гуревич видел возможность постигнуть специфику исторического познания, сближая свою концепцию с бахтинским понятием “большого времени”, имевшим в виду «все новые и новые прочтения того или иного культурного текста. Каждое время воспринимает его по-новому, переосмысляет, включая в новые контексты, делая его “своим”. Серия этих прочтений растягивается на протяжении всей толщи времени, которая отделяет момент создания текста от времени его современной интерпретации»³⁸.

Сегодня, когда история все чаще рассматривается как особая форма памяти, «пласты времени» видятся неотъемлемыми элементами сложной коннективной структуры, в двух измерениях – социальном и темпоральном³⁹. И историческая событийность уже рассматривается не только и даже не столько в коротком (ситуационном) времени, а в сложной, нелинейной связи с другими событиями в границах фиксированных интервалов длительного времени (К. В. Хвостова предусматривает возможность нарушения непрерывного развития некоторой тенденции, наблюдаемого в рамках определенного хронотопа при переходе процесса в сферу более широкого пространственно-временного диапазона. Это означает, что в некоторой пространственно-временной точке развитие перешло в свою новую стадию⁴⁰). В рамках конкретного исторического исследования проводится сопоставление многих данных и их содержательная интерпретация в ограниченных пространственно-временных диапазонах (хронотопах), в которых само событие (в своей собственной процессуальности) и его продолжительный смысловой след (память) включаются в сложную диалектику с преемственностью структур и длительным временем культуры, которая выступает как трансляция из поколения в поколение духовного и интеллектуального опыта человечества в рамках определенного пространственно-временного диапазона.

Самым ярким проявлением пространственного поворота, отразившим происходившие в мире и науке перемены, стало формирование междисциплинарного исследовательского поля глобальной истории, в центре внимания которой

оказались коммуникативные процессы, связанные с глобализацией, но воспринимаемые в глубокой ретроспективе и охватывающие развитие взаимосвязей в мире по крайней мере за последние полтысячелетия. При этом становление глобальной истории в ее современном варианте отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия, однако ее сторонники имеют разные точки зрения по многим вопросам, включая периодизацию мировой истории. Глобальная история, стремящаяся на новом теоретическом уровне охватить человечество как некую структуру в историческом развитии взаимосвязей ее отдельных частей, может быть понята и как осмысление процесса мировой интеграции через живое взаимодействие локальных и национальных культур⁴¹.

В центре внимания «связанной» и «перекрестной» истории, входящей в поле транснациональных исследований, находятся взаимосвязанные процессы, которые объединяют общество, культуры, цивилизации, сложные мультикультурные образования или различные формы международных сообществ. Проблема связанности историй ставится в самых разных контекстах: в ряде случаев речь идет о путях преодоления конфликтогенных форм культурной памяти, о связанности и продуктивном взаимодействии разнонаправленных версий памяти членов глобального сообщества о событиях прошлого, т. е. связанными оказываются не только исходные явления (социальные действия в прошлом), но и их противоречивые образы в актуальном настоящем. Для перекрестной истории характерен многомерный и динамичный подход, учитывающий сложность конфигураций объектов, их подвижность и интерактивность и исключающий доминирование линейных схем и простых причинных связей⁴². Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь “объективного” образа прошлых событий», то диалоговая парадигма перекрестной истории соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка⁴³.

Таким образом, в центре внимания связанной и перекрестной историй оказываются не противостояние и конфликт, а пространство диалога исторических памятей его равноправных и самоценных участников – человеческих сообществ. На место изучения структур ставится исследование взаимодействий между акторами и их результатов, а следовательно – событий и их образов, запечатленных в коллективной и культурной памяти. Поэтому важной и актуальной задачей представляется взаимообогащение новых макроисторических моделей и новой событийной истории как подхода к изучению исторического события в соотношении с соци-

ально-пространственными характеристиками и культурными реалиями изучаемой эпохи. Интерпретация события в новых модификациях событийной истории опирается на соотношение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Контекст накладывает на участников взаимодействия, стремящихся переинтерпретировать события прошлого с позиций актуального настоящего и желаемого будущего, структурные ограничения. При этом, помимо прочих, мощным ограничителем выступает сформированная в массовом сознании память о критических событиях прошлого, в том числе о «великих исторических событиях», которые в исторической науке служат вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории⁴⁴.

«Время обретает форму с помощью исторического повествования»⁴⁵. Усиление коммуникативного, диалогического познавательного идеала современного гуманитарного знания требует разработки эффективной методики комплексного характера, способной выстроить исторический нарратив новой событийной истории в рамках моделей культурного диалога, реализуемого в конкретном хронотопе истории.

Примечания

- 1 См.: *Champion M. S. The History of Temporalities : an Introduction // Past and Present. 2019. № 243. P. 247–254.*
- 2 Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris : Éditions Anthropos, 1974 [Engl. transl. : *The Production of Space*. Oxford : Blackwell, 1991].
- 3 См.: *Бахтин М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. 1974. № 3. С. 134.*
- 4 *Koselleck R. Geschichte, Historie // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland : in 8 Bänden. Bd. 2. Stuttgart : Klett-Cotta, 1975. S. 594.*
- 5 *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. С. 11.*
- 6 *Moller A., Luraghi N. Time in the writing of history : Perceptions and structures // Storia della storiografia. 1995. № 28. P. 15.*
- 7 См.: *Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М. : Наука, 1984. С. 63.*
- 8 См.: *Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситников. 2-е изд. М. : Весь мир, 2014. С. 39–42.*
- 9 Там же. С. 44.
- 10 *Ricoeur P. Temps et récit : in 3 т. Т. 1. Paris : Le Seuil, 1983. P. 289.*
- 11 *Eriksen A. Time and Exemplarity // Journal of Early Modern Studies. 2017. № 6. P. 183–204.*
- 12 *Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко, прим. А. Я. Гуревича. М. : Наука, 1973. 236 с.*

- ¹³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 19.
- ¹⁴ Там же. С. 19–20.
- ¹⁵ Там же. С. 20–21.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. 24.
- ¹⁸ Рикёр П. Память, история, забвение. Ч. 2 : История. Эпистемология. Гл. 1 : Фаза документирования : память, занесенная в архивы. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 203–254.
- ¹⁹ Там же. С. 205.
- ²⁰ Там же. С. 206.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Франция-память / под ред. П. Нора ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
- ²³ Рикёр П. Указ. соч. С. 210–211.
- ²⁴ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М. : Наука, 1991. С. 50.
- ²⁵ Бессмертный Ю. Л. «Анналы» : переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. С. 14.
- ²⁶ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. М. : Coda, 1996. С. 112.
- ²⁷ Там же. С. 113.
- ²⁸ Peltonen M. Clues, margins, and monads : the micro-macro link in historical research // History and Theory. 2001. Vol. 40. P. 349.
- ²⁹ Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / ed. by P. Burke. Cambridge : Polity Press, 1991. P. 96.
- ³⁰ Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée (1959) // Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris : Flammarion, 1969. P. 41–83.
- ³¹ См.: Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер [и др.]. М. : Юрист, 1994.
- ³² См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. М. : Кругъ, 2011. С. 424–428.
- ³³ См.: Лантева М. П. Историческое время и проблема поколений // АНТРО : Анналы научной теории развития общества. 2014. № 2(15). С. 19–27.
- ³⁴ См.: Родигина Н. Н., Сабурова Т. А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX века : преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 138–157.
- ³⁵ Гуревич А. Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. С. 81–109.
- ³⁶ Там же. С. 106–107.
- ³⁷ Там же. С. 108.
- ³⁸ Там же. С. 109.
- ³⁹ Ассман Ян. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 15.
- ⁴⁰ См.: Хвостова К. В. Актуальные проблемы современной эпистемологии и методологии истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 5–17.
- ⁴¹ См.: Репина Л. П. Преодолевая границы государств и цивилизаций : макроисторические опыты современной историографии // Реконструкции мировой и региональной истории : от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон, 2017. С. 7–71.
- ⁴² Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison : Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45, № 1. P. 30–50.
- ⁴³ См.: Вернер М., Циммерман Б. После компаратива : *histoire croisée* и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59–90.
- ⁴⁴ Assmann J. Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories / eds. A. Assmann, S. Conrad. New York : Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.
- ⁴⁵ Досс Ф. Как сегодня пишется история : взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : РОССПЭН, 2013. С. 32.

Образец для цитирования:

Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>

Cite this article as:

Repina L. P. Memory of Events in Measurements of Space and Time. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 34–40 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>